

Юрий КОНОПЛЯНИКОВ

И телефон заработал

задача правдиво выскочить к стоящей за воротами машине, ничего не разбить, попрощаться с родными, расцеловаться, отдать гостинцы, помахать вслед и одиноко домой возвратиться. Но в этой череде простых и, казалось бы, понятных действий то одно, то другое выбивало, и дубль за дублем всё повторялось сначала.

И вот в очередной раз, когда я расположился во дворе якобы собственного дома, подошла хозяйка, у которой мы арендовали всё подворье под съёмки. Вид у неё такой опрятный, вразумительный. Однако поведение какое-то странное — приторможенное. Подошла она осторожно и, качнув плечами, говорит:

— Ну, чо? Пойдём, посидим?!

— Меня это так удивило. Утро. Едва начинается день, а у людей застолье.

Чтобы не было обид... А как они могли быть, если с этой женщиной мы не знакомы и даже не представлены никем друг другу?

Я честно сказал ей:

— Не могу! Меня режиссёр не отпустит!

На моё счастье раздалась команда: «Дубль!.. Начали!» И женщина осталась за кадром, а дубль получился удачным.

* * *

Бесконечно любимый мной киноактёр Сморгчов Николай Гаврилович, у которого, начиная с кинокартин «Сельский врач» (1951), «Летят журавли» (1957) и т.д., более двух сотен фильмов за спиной, в телесериале «Лесник», где я сейчас снимаюсь, играет достаточно авторитетного деревенского жителя Пантелеича. Работать с ним — одно удовольствие. К тому же он всегда открыт, щедр на разговор по душам. Поведал только что о решении не ехать сегодня после окончания съёмки домой в Москву, так как через день, послезавтра то есть, у него снова съёмки, поэтому чего ж ездить туда-сюда.

— Ну и правильно! — поддержал я. — Отдохнёте здесь, походите по Сахарово. Парк же примечательный... Ну, который от бывшего имения генерал-фельдмаршала Гурко Иосифа Владимировича остался.

— Да по солнышку-то, если день будет такой же яркий, как сегодня, конечно, похожу, — улыбнулся Николай Гаврилович.

Тут заглянула к нам в гримваген ассистент режиссёра Ольга и уточнила:

— Вы остаётесь, Николай Гаврилович? В Москву не едете?

— Не еду, — подтвердил свой жертвенный выбор в пользу киноискусства старый, опытный артист.

— Тогда можете прямо сейчас отправляться в гостевой дом.

— Как в гостевой дом? — удивился Николай Гаврилович. — Я же говорил про гостиницу.

— А в гостинице мест нет, — ошарашила его Ольга.

— Тогда в Москву. Домой! — всерьёз возмутился Николай Гаврилович. — В гостевой дом я не поеду!

И когда Ольга ушла, он пояснил, что это не звёздный каприз, что это принципиально.

— В этом гостевом доме, — рассказал Николай Гаврилович, — сидит один хмырь, который в прошлый раз, когда я там оставался, сунул мне ключ от номера на четвёртом этаже. Когда я туда добрался, оказалось, что на площадке, в так называемом коридоре нет света. Я кричу вниз на первый этаж: «Помогите найти дверь и ключ вставить!» Он отвечает: «Не могу. Я не поднимаюсь. Мне восемьдесят лет!» — «Ё-т-м! — кричу я на это. — Мне девяносто! Я поднялся! А ему восемьдесят. И он подняться не может?!»

* * *

Так это было или нет, но когда в очередной раз я приехал из Москвы в Тверь,

на съёмочную площадку в деревню Заборье, мне рассказали, что обожаемый мной режиссёр Иван Щёголев, только что приступивший к работе следующих трёх серий «Лесника», попал в беду — сломал ногу.

Дело было как? Ване сообщили, что актриса, утверждённая на роль из числа второстепенных персонажей, не может сегодня, как ей предназначено по графику, приехать. Потому что в Москве, как и в Твери, гололёд, а она, бедняга, бежала на поезд «Ласточку», поскольку зноулась, упала и, как выяснилось, ногу сломала.

Ваня разнервничался, начал ругаться:

— Да зачем она тут нужна? Такая актриса, которая ноги ломает?! Пусть сидит дома — в Москве! И не лезет в кино! Я не буду с ней работать!!!

После этого шума, бегая от одной технической службы к другой, от одного актёрского вагончика к другому, он поскользнулся, упал и почувствовал боль в правой ноге. А когда дотащил эту самую ногу к последующему объекту своего возмущения сорванными съёмками миновавшего полудня, тут этот объект — изумительная Юлия Польшинская, игравшая Людмилу, любимую женщину комического персонажа Васки Большаева, в неподражаемом исполнении Владимира Тимофеева, обнаружила некую сильную бледность в Ванюном лице. Когда же выяснили причину бледности, вызвали врача, который, скоро приехав, безрадостно сказал, что у режиссёра перелом.

Небывалая сверхъестественность случившегося ввергла меня в сомнение. Сразу по приезду, не видя пока Ивана, занятого съёмками, я не поверил самой правдивой и необыкновенно органичной актрисе Юле Польшинской, рассказавшей мне всю эту историю. Однако когда оказался на рабочем месте, непосредственно перед камерой, то действительно обнаружил своего кумира в жалком состоянии: отторгнутого (!) огромной и безжизненно лежащей на стуле собственной ногой, одетой в панцирь — надёжно загипсованной, не дающей приближаться и удаляться от режиссёрского плейбека монитора, а значит ярко, эмоционально и достоверно руководить съёмочным процессом. Костыли хоть и лежали слева от монитора, прямо под рукой, рядом со здоровой, не сломанной ногой, но какой в них прок, если надо бегать. А с костылями-то много не набегаешься.

И вот рассуждай тут: «Что это? Наказание за ругань? Рок? Или случайность?!»

* * *

Всем известный и блистательный Михаил Васильков, играющий в «Леснике» на сей раз главу сельской администрации Бориса Ивановича Тулова, как всегда в своём репертуаре.

Поскольку дорога с Тверского вокзала на съёмочную площадку в деревню Заборье, где уже с восьми утра шла работа, была суматошной: машина гнала на всех парах, не заехав даже на Затверецкий рынок в Заволжском районе по улице Туполева, где все участники съёмочной группы покупают домой, в Москву значит, очень вкусные грильяжные шоколадные конфеты, выпускаемые в Вологде, но продаваемые почему-то исключительно в Твери, в одном из рыночных павильонов.

Так вот, несмотря на просьбу Ирины Авериной, великолепной исполнительницы супруги Сивого, играемого по-актёрски могучим Алексеем Булдаковым, водитель Олег, вёзший нас, отказался заехать на рынок, объяснив это тем, что завклубом Мухина, меня, стало быть, как партнёра Тулова, в данном случае Василькова, срочно ждёт уже на площадке.

Поэтому приехав, увидев Булдакова и Василькова, ожидавших дальнейших указаний нашего на редкость талантливого режиссёра Виктора Конисевича, я направился к ним. Но Васильков с распростёртыми руками сам двинулся навстречу.

Облобызались, как принято (не виделись недели две), приблизились, я спрашиваю:

— Миша! Наша сцена сразу?

— Нет! — глубокомысленно и серьёзно заявляет он. — Нашу сцену уже сняли!

* * *

Из Севастополя с двумя моими сёстрами и племянником за рулём его «тойоты» по печальному поводу приехали в Евпаторию на сороковины чуткой не дожившей до девяностолетия любимой нашей тётушки Татьяны Фёдоровны. Съездили на кладбище — ничего особенного. Всё как у всех: могила, крест, цветы, венки и вечный покой для тех, кто здесь уже лёг.

Борис Васильевич, супруг Татьяны Фёдоровны, в здравии. Много говорит, а когда смолкает — глубоко мрачнеет. Вспоминает, видимо, особые моменты прожитой жизни и тоскует.

Дома, на поминальной трапезе, Борис Васильевич, в прошлом военный, отставной полковник, бывший зенитчик, а затем ракетчик, участник Карибского кризиса (1962) и арабо-израильской войны (1973), был, таким образом, и на Кубе, и в Египте, принимая нас, постоянно вскакивал из-за стола по причине дополнительной подачи того или иного кушанья и при этом изрядно хромал, чего раньше никто за ним не замечал. Решив узнать, с чем связана его хромота, я деликатно спросил:

— Дядя Боря! А почему хромаете?

Борис Васильевич, выпив рюмку, с удовольствием ответил:

— Последствия! — бойко сказал он. — Это когда мы на Синайском полуострове стояли, началась бомбёжка. Я в укрытие бежал, а тут так грохнуло, что меня засыпало землёй и осколками... Ну, мне-то хрен ли?! А ногу повредило!

* * *

Дети — наше всё. Навестил своего друга, поэта, прозаика, доктора-стоматолога Владимира Устинова. В его стоматологическом кабинете всегда солнечно, тепло и уютно. К тому же после затяжных пасмурных дней в течение всей нынешней зимы с гораздо большим душевным подъёмом воспринимается наступление весны, её золотистое сияние в явившемся, наконец, марте, царственно золотящемся сегодня в стоматологическом кабинете. Угостился чашечкой кофе, приготовленного здесь же, стоящей в кабинете кофеваркой «Несpresso». Поговорили о том о сём, с зубным протезом разобрались (убрали неудобства). Прощаясь (уходить не хотелось), я ненадолго задержался и спросил, благодарно трясая и пожимая руку друга:

— Как твой сын?

— Нормально.

— А мой... — тут я припомнил одно из последних выступлений своего любимого чада: — «Да, пап! Да, я в порядке. Меня недооценивают. Пошли они все подальше!» И в результате сидит без работы.

— Да и мой тоже. Всё то же самое.

— Тебе-то хорошо, — никак не успокаивался я. — Вы вашим вдвоём занимаетесь — ты да жена. А у моего, кроме меня, никого нет.

— Хорошо. Да, — согласился Владимир. — Только она с ним сейчас не разговаривает. Я у них в качестве переводчика. Своего рода передаточное звено.

Обнял я друга, расхохотался и побегал на встречу с сыном, покупать ему новые ботинки.

«Не сдалась судьбе на милость...»

«Труды и дни Риммы Казаковой: Отечество, работа и любовь...» — так называется книга, выпущенная издательством Academia к 10-летию со дня смерти поэтессы. Её написали литературовед Лола Звонарёва, много лет работавшая вместе с Риммой Фёдоровной в Союзе писателей Москвы, и Таисия Вечерина — однокурсница Казаковой по историческому факультету Ленинградского университета, всю жизнь дружившая с ней

Авторы рассказывают о своей героине подробно, выдерживая хронологическую точность в изложении фактов биографии от рождения до последних дней земной жизни Казаковой. Они обильно цитируют воспоминания самой Риммы Фёдоровны, рассказы о ней однокурсников, коллег, близких, знакомых. В каждой строчке чувствуется очень личное отношение к знаменитой поэтессе. Разбив своё произведение на 60 небольших по объёму глав, они нашли для названия каждой из них строчку из стихов самой Казаковой, раскрывающую характер и чаяния поэта в данный отрезок её жизни. Римма Фёдоровна всегда была очень откровенна со своими читателями и слушателями, и это качество поэтессы авторы книги подтверждают многократно, иллюстрируя строками стихов факты биографии.

Римма Фёдоровна — любимый автор лирических стихов, многие из которых стали популярными песнями, была истинным гражданином России. В её творчестве нашли отражение все невзгоды, выпавшие

Л. Звонарёва и Т. Вечерина

на долю нашего народа. Она откликалась на события в политике и культуре, переживала и возмущалась в стихах, не скрывая своего отношения к разным историческим моментам. Так, авторы рассказывают, что Казакова с её жизненным девизом «Мы те, кого нельзя завербовать», всегда выражала своё мнение, не боясь не совпасть с «официальной линией». И подчёркивают это многочисленными примерами стойкости в

перипетиях оттепели и перестройки, в противостоянии цензуре и травле со стороны коллег (бывало и такое!).

В предисловии к изданию доктор педагогических наук Л.Е. Никитина написала: «Римма Фёдоровна прожила сложную, яркую и напряжённую творческую и личную жизнь. Эта книга — подробное исследование жизни выдающегося русского поэта.

Бережно и деликатно взвешивая каждый биографический факт и свидетельство, авторы доносят до нас образ многогранной личности Риммы Казаковой, поэта-лирика и поэта-гражданина, настоящего патриота нашей Родины.

Мне довелось убедиться в мощном социальном темпераменте Риммы Фёдоровны, пересекаясь с ней на общественной стезе, во время работы над проектами для детей и юношества. Но гораздо большей радостью оказалось открытие её как человека и поэта через уникальный труд Таисии Вечериной и Лолы Звонарёвой. Многочеству читателей это удовольствие ещё предстоит испытать. По-хорошему завидую каждому историку

литературы, писателю и любителю поэзии, взявшему в руки это издание...»

Особенно щемящее чувство возникает при чтении последней, восьмой части книги о Казаковой, в которой собраны отклики на её уход из жизни, рассказы товарищей по поэтическому цеху, воспоминания болгарских коллег, с которыми тесно сотрудничала Римма Фёдоровна, многих российских и зарубежных почитателей её поэтического и человеческого таланта. Как написал в послесловии к книге профессор С.В. Тетерский: «Хрупкая, ранняя и при этом сильная женщина, Римма Фёдоровна Казакова несла в себе голос целого поколения неугомонных шестидесятников. И теперь мы знаем, что они чувствовали, о чём мечтали, от чего закрывались». И она права, произнеся:

А ведь куда счастливее поэт!
Пусть век петлёй забот на горле стянут,
Когда поэт покинет этот свет,
Цитировать его не перестанут.

Наталья КАН

Римма КАЗАКОВА

«Любовь не требует ответа...»

Из последнего сборника стихов «Пора...»

* * *
Была моложе и куда как строже!
Да затупился яростный кинжал.
Люблю друзей, но и врагов, похоже,
Почти люблю, поскольку мне их жаль.
Друзья, ведь вы мои делили муки...
Враги, спасибо, что мой день не тих...
Так будьте все, живите, грейте руки
У горестей и радостей моих.

* * *
Как я тебе благодарна за эту
Нашу дорогу — размером с планету,
Где мы вдвоём до того находились,
Что наперёд сапоги прохудились.

Как я тебе благодарна за силу —
Бросить мне в ноги такую трясицу,
После которой —
любая дорога
Будет прекрасной и пресной немного.

Как благодарна за холод тебе я!
Так я продрогла, что станет теплее
Мне от любой мимолётной улыбки
После моей благородной ошибки.

Как я тебе благодарна за муки!
Опыт любви — это опыт разлуки.
А небольшое количество боли
Служит всегда воспитанию воли.

* * *
Любовь не требует ответа,
Она — дарение.
Она душе, летящей в лето,
Как оперение.
И неизвестно, где граница,
Где сломан азимут.
Когда и где устанет птица
И грохнет на землю.

Любовь не требует ответа...
Но получается,
что без ответа,
Без привета —
Любовь кончается.
Любовь не требует ответа,
Она — дарение.
Летит куда-то,
с кем-то, где-то —
И в отдалении.

* * *
Глуха душа его, глуха,
Как ни ломись, ни грохай.
И значит, в этом нет греха,
Что и моя оглохла?

Давно оглохшие, давно
Засохшие, как прутья,
Немое, странное кино
Всё крутим, крутим, крутим.

Нема душа его, нема.
Я говорить умела,
Но рядом с нею и сама,
Как камень онемела.

Забыты звуки и слова,
К тому же — как нелепо! —
Слепа душа его, слепа,
Вот и моя — ослепла.

Хочу прозреть, хочу опять
Услышать звуки речи.
Хочу сказать,
хочу обнять
Да только нечем, нечем!

Душа глуха, нема, слепа —
Печальная личина!
Но всё ещё болит слезка
И значит, излечима.

* * *
Хоть зла судьба к поэту, хоть добра,
Его душа — не перекасти поле.
Поэту подобает худоба:
Сгорают углеводы в топках боли.
Пылая, душит дымом материк
Взволнованных вопросов без ответов...
Я не про тех, кто рифмы мастерит,
Я не про стихотворцев — про поэтов.
А слов, как дров, мир наготовил впрок.
Но за чертой, где на шкале: «Довольно!» —
Ты в прежнем платье, в маскхалате строк.
Поймут ли, что тебе и вправду больно!

* * *
То ли где-то, то ли около,
Осеня духом плоть,
С чьих высот, с какого облака
Ты диктуешь мне, Господь?

Всё отчётливее драма дней
На пространстве бытия
Всё уверенней и грамотней
Жизнь записываю я.

Обитаю в мудрой сказочке,
Слушаю бессмертный гимн
И надеюсь: может, скажешь мне,
Что неведомо другим.

Нет прекрасней и потешнее —
Быть с тобой наедине,
И спешит твоё, нездешнее
Открывать меня во мне.

Как счастливый сон под «баиньки»,
Как беседа на завалинке —
Откровенья жгучий миг.

Боже! Я смиренней паиньки.
Я — твой капиллярчик маленький,
Вечный верный ученик!

* * *
Неужели я всё написала
Искромсала всю жизнь на куски?
То печаль...
То тоска напознала.

Ни печали уже,
ни тоски.

Но и радости нет почему-то.
Видно, радость —
печали сестра.
Я немного надеюсь на чудо,
А особенно — рано с утра.

Трудно с чувством конца примириться.
Боль уже чуть слышна,
но остра.

Я за жизнь буду биться, молиться!
И особенно — рано с утра...

* * *
Время
То летит, то длится,
Злится здесь,
Смеётся там, —
И пора определиться,
Всё расставить по местам!

Не сдалась судьбе на милость,
По теченью не плыву.
...Я давно определилась,
Так дышу
И так живу.

Всё, что было,
Не забыла...
Но победно, многокрыло
Дуют новые ветра.

...Я в себе и в них открыла:
будет мне всегда
ПОРА!

Российские гусары на болгарской земле

Со встречи с поклонниками поэзии в актовом зале Консульства РФ в Варне начались в Болгарии презентации книги стихов Владимира Фёдорова «Такова судьба гусарская». Вечер в роли гостеприимной хозяйки открыла консул Оксана Жерновая, а вела его хорошо известная во многих странах мира поэтесса, президент Славянской академии литературы и искусства Елка Няголова. Она же — издатель и редактор сборника

На сцену вместе с гостем из России поднялся его друг — переводчик Антонин Горчев, обладатель национальной премии лучшего лирического поэта Болгарии. Поэтому стихи попеременно звучали на двух братских славянских языках и вызвали живую реакцию собравшихся. Так же на двух языках, перемежая диалог поэтов музыкальными номерами, звучали голоса прекрасных вокалисток Ольги Василенко-Коевой и Виктории Панайотовой. Зал активно участвовал в действе, поскольку многие здесь имели самое непосредственное отношение к литературе и искусству и со знанием дела комментировали происходящее. Свою оценку стихам и переводам дали Пенка Живкова, долгие годы руководившая сферой культуры города Варны; профессор Гергана Славова, успешно сочетающая науку с поэзией; Ангелина Бакалова, недавно выпустившая в «Библиотеке Славянской академии» очередную книгу стихов «Далеко от Едема»; Мая Раданова, представляющая известное творческое объединение «Камчия»; неувыдаемая Пенка Балева, которая не только десятки лет парит на крыльях поэтического вдохновения, но и в свои 82 года регулярно прыгает с парашютом из поднебесья...

Выслушать мнения столь разных, но одинаково искушённых в поэзии людей было, конечно же, интересно. И все они сошлись в главном: книга «Такова судьба гусарская» получилась удачной и по авторскому замыслу, и по работе переводчика, и по художественному оформлению «под старину» гравюрами XIX века.

— Для меня было очень важно, — рассказал Владимир Фёдоров, — что презентации книги проходили как раз в те дни, когда отмечалось 140-летие окончания Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, положившей конец 500-летнему османскому игу Болгарии и позволившей стране начать возрождение как самостоятельному государству. На этой волне, конечно же, всколыхнулась историческая память и благодарность болгарского народа своим освободителям. Ну, а поскольку главные персонажи моей книжки — российские воины, то они в данном случае оказались, как принято говорить, в нужное время в нужном месте. Видимо, был какой-то перст судьбы в том, что издание неторопливо двигалось к выходу в свет несколько лет, но зато «выстрелило» в самый нужный момент.

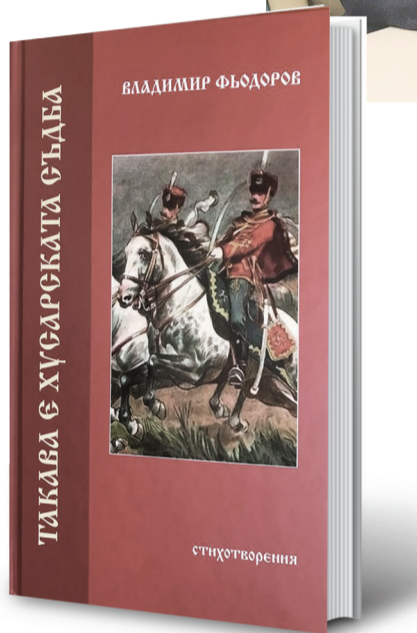
Конечно же, отправляясь в поездку, я постарался изучить участие в упомянутой Русско-турецкой войне потомков и продолжателей воинской славы моих литературных героев-гусар, сражавшихся на полях Отечественной войны 1812 года. И оказалось, что «гусарская родословная», в которой во все времена присутствовала яркая «поэтическая линия», отменно проявила себя в сражениях с османами. В боях за освобождение болгарских «братушек» от турецкого ига участвовало девять прославленных гусарских полков.

Лихо был османов знаменитый Ахтырский полк, которым когда-то командовал поэт Денис Давыдов. В лейб-гвардии Гусарском полку Его Величества сражались воины, наверняка знавшие, что когда-то в рядах их предшественников был унтер

Александр Грибоедов. Начиная службу корнетом этого полка, а в Русско-турецкую войну ставший знаменитым генералом, Иосиф Гурко дважды первым перешёл с боями через Балканы, сначала вызывая панику всей турецкой армии, а затем добив её у самых ворот османской столицы Константинополя. Недаром его имя было присвоено рекордному числу освобождённых болгарских поселений и их улиц! Отличившиеся когда-то под Бородино Мариупольский, Сумский, упомянутые Ахтырский и лейб-гвардии Гусарский, а также Изюмский полки наглядно показали туркам «почём изюм российский ценится». Именно здесь один из потомков «гения в эполетах» — Александр Лермонтов был за освобождение города Бургас произведён из полковников генералом...

Мне, родившемуся в Якутии, было приятно напомнить нынешним болгарам, что среди их освободителей оказалось и несколько сибирских пехотных полков: 93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 43-й Охотский, 42-й Якутский, 44-й Камчатский. К слову сказать, родной Якутский полк овеял себя славой ещё на Бородинском поле, самоотверженно защищая знаменитые Багратионовы флеши и сдерживая главный удар Наполеона. После этого сражения наградами были отмечены все воины полка, а офицеры Андриевский, Широбок и Чарников получили золотые сабли с гравировкой «За храбрость».

Нелегко подчас приходилось «якутянам» и на болгарской земле, особенно в одном из боёв с османами в октябре 1877 года недалеко от города Елена. Там, у села Миндя, после войны был установлен памятник на братской могиле тридцати павшим воинам полка во главе с майором Константином Эмольским. Но знаменательно то, что многим другим якутянам позволило остаться в живых в этом сражении вовремя пришедший на помощь Нарвский гусарский полк, которым командовал полковник... Александр Пушкин. Да-да, старший сын великого русского поэта! В декабре того

же года нарвские гусары вместе с пехотинцами Якутского и Вятского полков, атакуя по пояс в снегу, взяли считавшийся непреступным Бебровский перевал и выбили османов с ключевой высоты Девичья могила, которую с той поры можно было называть турецкой могилой. Османы потеряли в этом сражении 300 человек против 19 россиян... Яркий победный след оставил в этой войне полковник Пушкин, и когда он через много лет уходил в отставку, нарвские гусары-однополчане подарили командиру часы, где вместо цифр на циферблате значились названия освобождённых болгарских городов...

Вот так неожиданно сошлись на болгарской земле вместе имя-название моей далёкой северной родины и фамилия гения русской поэзии. К слову сказать, после окончания Лицея Пушкин тоже хотел записаться в гусары, но ему не позволил отец. Зато сын с честью исполнил юношескую мечту Александра Сергеевича.

— А почему именно гусары стали главными героями вашей книги?

— Это был совершенно особый вид войск. С одной стороны, самый романтичный — кодекс гусарской чести, стремительность кавалерийских атак, красивая форма, традиции шумных дружеских застолий, культ поэзии, блистание на балах и раутах... Сам Карл Великий называл гусар «оружием богов», и в глазах юных дам они были просто неотразимы.

С другой стороны, эта служба считалась самой опасной. Как говорил маршал кавалерии Наполеона Мюрат, «настоящий гусар никогда не доживает до 35 лет». Как самая мобильная и стремительная часть войска, гусары первыми начинали любое сражение и последним покидали поле боя, прикрывая отход или преследуя бегущего противника. И если, к примеру, пехота

или кирасиры между боями отдыхали, то гусары использовались для разведки или доставки срочных донесений — они постоянно были в седле и под пулями. Не зря в форму гусара входила так называемая ташка — особая сумка на боку для срочных пакетов.

Интересно, что по традициям того же Нарвского полка право жениться имели только командиры, а если связать себя узами брака решался какой-то другой офицер, то он должен был тут же покинуть часть. Зато командир полка и его супруга фактически считались родителями молодых офицеров и при любой возможности собирали их за своим столом. Гусары настолько дорожили особым статусом и мундиром, что когда полк решили преобразовать в драгунский, все офицеры дружно подали в отставку.

— И куда ещё, помимо Варны, добрались на этот раз в Болгарии ваши литературные гусары?

— В Шумене, это родной город переводчика Антонина Горчева. Его земляки проявили большой интерес к новой книге переводов одного из своих любимых и уважаемых поэтов, возглавляющего областной Союз писателей. Мне очень повезло, что Антонин хорошо знает русский язык и при этом прекрасно владеет стихотворной техникой на болгарском. Именно любовь к русскому языку и не утраченная с годами юношеская «гусарская» романтика и потянула Горчева прочитать мою книгу, а затем и перевести её. Судя по аплодисментам слушателей-болгар, можно сказать, что свою работу он выполнил блестяще!

В Шумене мы вместе с сопровождавшей нас Елкой Няголовой записали большую передачу на телевидении, затем встретились в городском культурном центре с поклонниками поэзии и местными литераторами, а позже все вместе переместились на дружеский писательский вечер. И, конечно, во время нашего столь основательного и открытого общения прозвучало множество высказываний о стихах и переводах, о совпадениях и различиях в русской и болгарской поэзии, об особых отношениях между двумя славянскими народами, об острой необходимости сохранения давних человеческих и литературных связей в нынешнем противоречивом и непредсказуемом мире.

На следующий день мы переместились в древнюю столицу Болгарии Плиску, где нас принимал создатель культурно-исторического комплекса «Двор Кириллицы» Карен Александян. Удивительно, но именно армянин, приехавший когда-то в Болгарию «всего на неделю» создал уникальный мемориал азбуке, которой пользуемся все мы. Но об этом духовном подвиге надо рассказывать особо...

Его голос звучал и в музее-квартире в Магадане — любимом городе, который стал местом заключения, освобождения и жизни до последнего вдоха.

«Окончательным свидетельством снятия "обета молчания" следует считать показ на ЦТ передачи "Два портрета на звуковой дорожке", рассказавшей о звёздах довоенной эстрады — Изабелле Юрьевой и Вадиме Козине», — пишет в своей книге «Опальный Орфей» Борис Савченко, хорошо знавший Вадима Алексеевича по Магадану.

С того памятного декабрьского дня жить маэстро оставалось семь лет и два дня. Именно эти годы стали годами его признания, буквально вырвавшими из небытия великого тенора советской эстрады 1920-40-х годов. В адрес певца хлынул поток писем, телефон кипел от звонков поклонников со всего мира, испытывавших огромную радость по поводу столь неожиданного возвращения артиста и столь же великое изумление по поводу его местонахождения.

В Москве у знакомых. Это была маленькая угловая квартирка с кухонным закутком, которая идеально подошла для съёмок короткометражного фильма по Василию Быкову «Вы чьё, старичё?» Снимались в ней потрясающие актёры, прежде всего, Вацлав Дворжецкий. Во время перерыва я зашла забрать вещи, и он спросил: «Куда улетаете-то?» Я ответила: «В Магадан». И без того огромные, небесной синевы глаза стали ещё больше: там, по словам артиста, жил его очень хороший знакомый — Вадим Козин. «Мы вместе выступали, пока его не сослали на Колыму, — сказал он. — Говорят, там и умер...». Как же обрадовался Дворжецкий, когда я сказала, что друг жив-здоров! Меня это сильно поразило: страна не знает, что Козин жив, пишет стихи, исполняет любимые всеми романсы, принимает в своей «хрущобе» известных музыкантов, певцов, приезжающих на гастроли в Магадан, и они почему-то о нём ничего никому не рассказывают!

В тот момент мне пришла в голову шальная мысль сделать о Козине теле-

кой-то момент наши встречи прервались по причине депрессивного состояния маэстро. Его постоянными посетителями стали психиатры...

Если Вадим Алексеевич был в настроении, я возобновляла визиты. Материал — в блокнот — собрался довольно большой. И вдруг Вадим Алексеевич возьми да согласись на передачу!

Тут к нам приехал журналист с ЦТ Вадим Белозёров, который уже умудрился выдать в эфир экстрасенсов — Джуну и прочих. Белой ночью, под рыбный стол, я выложила ему свои муки творчества. И мы позвонили в Останкино его коллеге, редактору музыкальной редакции Центрального телевидения Анисиму Гиммерверту. Я предложила осуществить мой проект совместно с ЦТ. Анисим смекнул: надо сделать передачу к 85-летию певца, и в день его рождения, 21 марта 1988 года, выдать в эфир на весь СССР. Моё руководство не ожидало такого поворота и быстро подписало договор о совместной работе с ЦТ.

внимания на нагло шныряющих по столу тараканов.

Сняли мы довольно большой материал: по темам разбить, получилась бы не одна передача. А в эфир вышли «Два портрета на звуковой дорожке: Изабелла Юрьева и Вадим Козин» по ЦТ и «Письма к Козину...» по Ленинградскому телевидению. И не к юбилею певца, а спустя пять месяцев, точно не помню, кажется, в августе 1988 года...

Произошло следующее. Специальный корреспондент Всесоюзного радио и телевидения по Магаданской области Валентин Герасимов в канун юбилея взял интервью у маэстро, и Москва выдала его в эфир в утренней программе «Маяка»... без купюр. Всё бы ничего, да вот вопрос журналиста: «Вы, Вадим Алексеевич, ведь не по политике оказались на Колыме?» так разъярил Козина, что он грубо назвал вещи своими именами. Редакторы «Маяка» набрались за два года перестройки смелости. А руководство ЦТ до особой проверки биографии артиста сняло про-

Возвращение колымского Орфея

От Крайнего Севера до Санкт-Петербурга, во Франции, Германии и Америки 21 марта звучали романсы в исполнении Вадима Козина: в этот день великому тенору исполнилось 115 лет со дня рождения

В годы Великой Отечественной войны очень много пластинок переплавляли для нужд фронта. На пластинках с записями Вадима Козина стояли штампы: «Переплавке не подлежит».

А сам артист выступал с концертами в частях действующей армии. Он пел, читал свои стихи. По распоряжению наркома путей сообщения ему для поездок выделяли специальный вагон.

Козин выступал в блокадном Ленинграде, осаждённом Севастополе, перед моряками Мурманска. Во время одной из поездок на передовой произошла встреча с маршалом Баграмяном. Позже маршал вручал Козину орден Красной звезды...

19 декабря 1994 года Вадим Алексеевич Козин умер в Магадане, который забрал его славу и вернул её. Четвёрка трижды оказалась роковой цифрой в судьбе опального Орфея — именно в 1944 году он оказался на Колыме...

Я знала о Козине с юности, от отца, который одно время работал водителем в Главном управлении Дальстроя и слышал, как поёт Вадим Алексеевич, — его всегда приглашали выступать в День милиции. А жил он в те годы в бараках для вольнопоселенцев на Пролетарской улице — как-то отец его туда подвозил после концерта. Было это в ноябре, когда дул пронизывающий ветер. У Магаданского музыкально-драматического театра отец в машине ждал высокое начальство, а неподалёку стоял какой-то человек. Из театра вышли руководители Дальстроя во главе с Никишовым. Узнав вольнопоселенца Козина, начальник Дальстроя, не стесняясь в выражениях, гаркнул, почему тот ещё не на нарах, и если через пять минут не исчезнет, то он сгноит его в лагере.

Отец, изловчившись, тихонько попросил Вадима Алексеевича обождать, пообещав подвезти до барака. Оказалось, Никишов был обзолён тёплым приёмом, оказанным певцу зрителями, и выкрикнул из ложи: «Кому вы хлопаете?! Вон со сцены!». Певец, опустив голову, ушёл...

Садясь в машину к отцу, Вадим Алексеевич пробурчал: «Посмотрим, кто вперёд сгниёт, — и добавил: — Меня ещё век после смерти слушать будут, а его...» И впрямь. Когда в 1956 году Никишов умер, некролог о нём напечатала лишь какая-то малоизвестная газета ДОСААФ...

Осенью 1982 года я, возвращаясь из отпуска, остановилась на несколько дней в

передачу — я тогда работала редактором на Магаданском телевидении. Однако идею пришлось пока отложить: только что Брежнев увеличил число ушедших генеральных секретарей ЦК КПСС, и на этом фоне было нелепо объявить народу о ссыльном Козине — живом и здоровом. Мой план вызвал большие раздумья у руководства телевидения: цензура ещё была серьёзной, массовые реабилитации не начались. Да и согласится ли сам герой — ещё ни у кого не получалось его уговорить...

Словом, в Магадане я пришла к Вадиму Алексеевичу с приветом от Дворжецкого. Вначале он отрезал: «Никаких передач!». Но я приходила по вечерам, слушала его записи и рассказы, и это ему очень нравилось.

Наступил 1983 год — год его 80-летия. У нас сложились доверительные отношения, возник какой-то особый духовный контакт. Мы, наконец, договорились о передаче, но... в условленный день Вадим Алексеевич позвонил (а звонил он кому-либо крайне редко) и сказал, что у него заболел любимый кот Мосик, и попросил отменить съёмку. Потом появились другие причины, и так весь год. 80-летие Вадима Козина было отмечено только в Магадане.

Я продолжала его навещать. Он показывал письма от поклонников из США, Германии, России, угощал присланными конфетами и печеньем, но противостоял моему упорству. Уже и Андропов, и Черненко «переселились» в стену Кремля, и с приходом Горбачёва оживилась вся журналистская братия, а Вадим Алексеевич продолжал язвить, не веря в перестройку, говоря о превратностях судьбы, отнявших у него всё, кроме голоса и таланта. В ка-

Козина всегда было жалко: такой великий и такой маленький. Ходил по тесной квартирке, где засилье тараканов, в валенках, в дражном свитере. Ворчал и звал меня из кухни, где хранился, если это можно назвать хранением, весь архив его записей — вся жизнь почти 85-летнего артиста. «Деточка моя, — говорил он, — посмотри на моё творчество! Никому сегодня этого не надо». Глаза его влажнели. Он брал с полки магнитные плёнки, прикрытые старой клеенкой, а они рассыпались, потому что сухие... У меня, глядя на это, обрывалось сердце. Господи, думала я, в какой же стране мы живём, что всем наплевать на великого артиста...

Маэстро капризничал: месяц мог никого не пускать к себе. Мы старались держать втайне нашу работу: и чтобы чей-нибудь звонок не испортил ему настроение, и чтобы отгородиться от витающего ещё негатива к его прошлому. Это я не раз почувствовала, пытаюсь расспрашивать о лагерной жизни Козина тех немногих, кто был с ним за колючей проволокой.

Работа шла трудно ещё и потому, что кинокамерам негде было развернуться в крохотной хрущёвке, заставленной книжными стеллажами. В комнате — три в одном: спальня, гостиная с роялем и обеденный стол под красным абажуром. Плюс нас пять человек. Больше всего главного героя раздражал свет осветительных приборов. От них жарило. Вадим Алексеевич уставал и выставлял нас. Но благодаря мастерству кинооператора Магаданской студии телевидения Евгения Буракова, его способности снимать в условиях зажатого пространства, наш герой вышел глыбой. Боясь шевельнуться, я задавала вопросы маэстро, стараясь не обращать

грамму с уже объявленного эфира и отправил в архив с грифом «на вечное хранение». В общем, шума было много, пока не вышли «Два портрета...».

В тот год по рейтингу популярности наша передача на ТВ заняла первое место. Страна узнала, что Вадим Козин жив-здоров и ещё иногда поёт. Увидела, в каких условиях он живёт, особенно в контрасте с Изабеллой Юрьевой. Соединить портреты этих двух корифеев советской эстрады в одном проекте было идеей Анисима Гиммерверта, хотя я противилась этому.

К слову, Изабелла Даниловна ревностно отнеслась к «той стороне пластинки», на которой звучал голос Козина: мол, и песен было больше, и ракурсы более выгодный, нежели её. Его портрет и впрямь получился намного интереснее. Старый стол, прикрытый полотенцем для рук, зритель, потрясённый встречей со своим кумиром, не видел. Ну а сам маэстро думал, что предпочтение было отдано Юрьевой. Царствие им небесное!

Козина звали в Москву, а он остался верен Магадану, своим друзьям, театру и Колыме, где продолжает звучать его «Магаданская сторонка»:

Над сиреневой сопкой всходит луна,
Пролетел лебедей караван.
Вместе с ними в наш край
Возвратилась весна.
Возвратилась весна в Магадан...

На могилу Вадима Алексеевича даже в лютые декабрьские морозы люди несут цветы...

Анна ВЕРНАЯ
Анкоридж, шт. Аляска

В Центральном доме литераторов состоялся вечер памяти яркой писательницы, поэтессы, публициста, общественного деятеля Ларисы Васильевой. Такого стечения народа я давно не видела. Зал что называется ломился, мест не хватало, несмотря на добавленные стулья

Такова любовь и уважение друзей, писателей к Ларисе Васильевой! Но вот, увы, информация по Центральному телевидению об её уходе так и не прозвучала. А ведь это была довольно крупная фигура! Её часто приглашали на разные передачи, люди знали писательницу, её произведения, деяния.

Лариса Васильева и при жизни уже была частью будущего — талантливый, большой поэт, поэт-гражданин с высоко поднятой планкой ответственности за свои дела. Разве не удивительно, что тонкая и нежная филологиня смогла пробить идею о создании Музейно-мемориального комплекса «История танка Т-34», осилить его и поднять?! Лариса Николаевна завид-

времени», «Жёны русской короны», «Евдокия Московская», многочисленные эссе, «Душа Вологды» — труд о земле, памятниках, святынях и людях Вологодчины.

Книги Васильевой переведены на многие языки. Лариса Николаевна — лауреат советских, российских, зарубежных премий. Наследие — богатейшее, и забегая вперёд, скажу, что каждый из присутствовавших на вечере памяти получил из рук её сына Георгия бесценный подарок — набор книг Ларисы Васильевой!

Вечер памяти удался во многом благодаря ведущим Полине Рожновой и Зое Евдокимовой. Оказывается, Лариса Васильева сама намечала организовать в апреле вечер в ЦДЛ и собрать подруг с именем

Немало интересного узнали присутствующие из выступления руководителя общественной организации «Городское собрание» Татьяны Алябевой, принимавшей активное участие в создании комплекса «История танка Т-34».

свои книги, поделились воспоминаниями его директор Елена Бычкова и любимый художник Ларисы Васильевой Вадим Гусейнов.

Интересно и содержательно выступил Юрий Изюмов. Когда-то он работал первым заместителем главного редактора «Литературной газеты».

Сын Ларисы Васильевой Георгий по ходу вечера вручал книги в дар представителям Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова, Вологодской областной библиотеки им. Бабушкина, Вожегодской районной библиотеки Вологодской области, Центральной городской библиотеки им. В.И. Ленина Нижнего Новгорода, библиотеки №147 Южного округа Москвы.

Неповторимым пением вечер украсили заслуженная артистка России Валерия Беседина и Наталья Княжинская, исполнившие романсы на стихи Ларисы Васильевой. Трогательно прозвучала песня «Нежность» в исполнении Екатерины Иваний.

Наталья ЧИСТЯКОВА (МАЗАЛЕЦКАЯ)

Лариса из созвездия Стрельца

Верните время!

*На две секунды,
на вдох и выдох, я всё успею:
Вернусь из прошлого*

*Ниоткуда,
где липкий сумрак
залил аллеи.*

*Сломаю стрелки,
чтоб сны зависли,
по ржавым стенам*

*размажу горе,
сотру всю память,
что смяла мысли*

*и топит утро моё в миноре.
Закрою окна —
бессмертный ветер*

*гуляет в доме
ушедших в море
Верните время!*

*И я, поверьте,
на жизнь со смертью
ещё поспорю...*

Лариса ВАСИЛЬЕВА

но исполнила свой дочерний долг: её отец, Николай Алексеевич Кучеренко, был одним из конструкторов этого танка.

Роль Т-34, этого мощного оружия, в Победе неопределима — об этом есть многочисленные свидетельства. По воспоминаниям генерала Гудериана, Гитлер, вначале не поверив теоретическим выкладкам, приведённым в книге «Внимание, танки!», летом 1941 года заметил: «Если бы я знал, что приведённые в вашей книге данные о мощи русских бронетанковых сил соответствовали действительности, пожалуй, не начал бы войны». А другой специалист по танкам, генерал фон Мелентин так оценил Т-34: «Исключительно высокие боевые качества. Мы ничего подобного не имели».

Лариса Васильева оставила значительное творческое наследие. Первые её публикации появились в конце 1950-х в журналах «Молодая гвардия», «Юность», «Москва», альманахе «День поэзии» и других. Из-под её пера вышло более 20 поэтических книг: «Льняная луна», «Огневица», «Лебеда», «Одна земля — одна любовь», «Синий сумрак», «Огонь в окне», «Радуга снега», «Холм», «Русские имена», «Стихотворения и поэмы», «Сто стихотворений» и другие. Широко известна её проза: «Книга об отце», «Кремлёвские жены», «Дети Кремля», «Альбион и тайна

Лариса в день святой мученицы Ларисы Готфской. Но так вышло, что 7 апреля, в Благовещенье, были её сороковины...

Научный сотрудник Музейно-мемориального комплекса «История танка Т-34» Зоя Евдокимова, которая в последние годы была верной спутницей Васильевой и помощницей во всех делах, а сейчас занимается упорядочением архива, рассказала, что будет с этим огромным наследием, которое осталось в музее. Понятно, что нужно с большой осторожностью, с любовью и пониманием отнестись к любви, даже малейшей записи, ведь порой две строчки могут стоять целой поэмы.

Не оставило равнодушным яркое выступление секретаря правления Союза писателей России Ивана Голубничего. Он кратко и ёмко осветил значение творчества Ларисы Васильевой для русской культуры, русского языка и артистично прочёл её «Русские имена». А мне припомнилось, что совсем недавно на презентации моего поэтического сборника «Иван» Лариса Васильева сама проникновенно читала это стихотворение. Ещё звучит её голос, помнится интонация... Я уловила в чтении Голубничего те же авторские ноты, что позволило лишней раз утвердиться в том, что мелодия изначально закладывается талантливым мастером в каждом поэтическом произведении.

Воспоминаниями поделился и Борис Лукин — автор-составитель пятитомной антологии современной литературы России «Наше время» и десяти томной антологии русской поэзии о Великой Отечественной войне «Война и Мир». Профессор МГУ Марина Князева рассказала о совместной поездке в Сицилию, где Лариса Васильевой была вручена Международная поэтическая премия им. Анны Ахматовой. Дочь поэта Юрия Паркаева Лада прочла посвящение отца Ларисе Васильевой...

Выступающих было много, и каждый в зале ощутил себя сопричастным нашей культуре, русской речи, которую так ценила и берегла Лариса Васильева, почувствовал тихую, но светлую грусть в связи с её уходом. У многих на глазах были слёзы.

Почтила память Ларисы Васильевой Ксения Наровчатова. Известно, с какой любовью и дружеским участием Лариса Николаевна относилась к поэту-фронтовику Сергею Наровчатovu, деду Ксении, считая его своим наставником. Пришла поклониться памяти Васильевой писательница, известный общественный деятель, теле- и радиоведущая Мария Арбатова — их связывали длительные тёплые отношения.

От замечательного коллектива издательства «Бослен», в котором Лариса Николаевна в последнее время печатала

Ушла Лариса Николаевна, и всё с ней связанное обрело новый смысл, иначе высветились встречи, разговоры, их значение и важность. Я признательна ей за дружеское общение, за те недолгие встречи, разговоры, которые у нас состоялись, благодарна судьбе за каждый миг рядом с нею. В личных беседах она сама была откровенна и вызывала откровенность у собеседника. Я признательна ей за поддержку моих авторских проектов, за участие в них и рада, что мне удалось об этом сказать на вечере.

В заключение вечера Зоя Евдокимова прочла одно из последних неопубликованных стихотворений Ларисы Васильевой. Заканчивается оно потрясающей по своей глубине и сути строкой «Здравствуй, великое чудо — исчезновение моё». Да, душа поэта соразмерна Вселенной и непостижима...

Вспоминаю её стих: «Верните время! На две секунды...». Увы, время неумолимо, и только наша память возвращает нам наших близких и родных людей, хранит то, что с ними связано.

Как часто мы осознаём цену утраты, только потеряв. Не думаем, что внутренняя жизнь освещает все наши мысли и дела. Давайте помнить, что Лариса Васильева умела делиться светом своей души и не жалела времени на общение.